

УДК 316.3/7 : 32

В.С. Шутов

РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается взаимозависимость политической и социокультурной модернизации как сложной системы обновления российского общества. Характеризуются содержание и задачи сегодняшнего этапа модернизации, исходя из уровня социокультурной модернизованности России, т.е. степени развитости «человеческих измерений» модернизации. Оцениваются виды активности различных групп населения в зависимости от соотношения их терминальных и инструментальных ценностных позиций.

Ключевые слова: модернизация, конфликт ценностных позиций, ментальность, институты, структурный и процедурный подходы.

Автор исходит из того, что главный вызов XXI в. – «потребность перманентной модернизации социума, государства и экономики», и эта модернизация требует современной политической культуры [1. С. 12]. «Назревает понимание необходимости модернизации России как способа ее саморазвития в XXI веке», а также понимание необходимости социокультурной модернизации в качестве центрального элемента в структуре системы модернизации. Социокультурная модернизация означает достижение «нового качества российского общества» [2. С. 3–4, 17].

Понятие «модернизация» имеет много толкований, будучи весьма емким, включает в себя изменение практически всех сфер человеческой жизнедеятельности, а критерием изменений является приближение к неким стандартам того, что считается «современным», способным решать все новые проблемы.

П. Штомпка выделяет три толкования модернизации: 1) историческое (модернизация – это вестернизация или американизация); 2) релятивистское («инновации в моральных, этических, технологических и социальных установках, которые вносят свой вклад в улучшение условий человеческого существования»); 3) аналитическое (модернизация – комплекс структурных изменений и специфический, современный тип личности) [3. С. 173–175]. Автор будет опираться в основном на релятивистское и аналитическое понимание.

В.Л. Цымбурский из возможных вариантов анализа проблемы развития РФ с помощью понятия «модернизация» считает наиболее приемлемым решение Россией собственных проблем и «строительство капитализма в одной стране» [4. С. 156]. На основании Шпенглеровского цикла (идеального типа хронополитической амплитуды) В.Л. Цымбурский делает вывод: «Несомненно, что в рамках этого цикла Россия пребывает на стадии, соответствующей раннему европейскому модерну XVI–XVII вв.». Эта стадия является «критической» [4. С. 152, 156]. Содержание раннего модерна включает следующие эволюционные элементы (согласно М. Ильину): «секуляризация (демистифи-

кация порядка); суверенизация (монополизация принуждающего насилия); утверждение гегемонии (консолидация гражданского общества); конституционализация (соединение постоянных и переменных параметров порядка)» [5. С. 86]. Давайте предельно кратко прокомментируем состояние этих элементов в российском обществе в начале второго десятилетия XXI в.

Действительно, открытость политики, рациональность её восприятия, свобода мнений и равноправное участие в политическом процессе на всех стадиях принятия решений по общезначимым вопросам в России остаются пока идеалом, к которому необходимо стремиться. В то же время «реформы» политической системы, проводимые существующим режимом, к сожалению, отодвигают перспективы его достижения на неопределенное время.

Действительно, легитимной монополией на принуждающее насилие государство пока в значительной степени не обладает. По мнению известного политолога В.Б. Пастухова, экономический и политический строй России «может быть адекватно описан только в рамках научной дисциплины, которую я назвал бы “полиэкономия госкапитализма”». ФСБ и МВД «ежедневно и повсеместно вмешиваются в экономическую и социальную жизнь общества», и их влияние «на экономические процессы значительно более существенно, чем влияние многих руководителей министерств экономики и финансов», поэтому «силовой блок» и «есть экономический блок правительства». Он подчеркивает: «...по сути, спецслужбы сегодня целиком никому не подчиняются, в том числе и президенту с премьер-министром». Более того, произошло «активное сращивание криминала и правоохранительных органов» [6. С. 37, 38]. Это одна из главных причин, подрывающих легитимность государственной власти. Многие исследователи пишут о трагической слабости государства, о том, что правящая элита поставила себя «над законом». Под сомнением остаются главные основания, по которым государство может рассчитывать на лояльность населения: безопасность, защита законно приобретенной собственности, справедливость и правосудие.

Действительно, в России не сложилось полноценное гражданское общество, оно разобщено. Н.И. Лапин обращает внимание на развитие гражданского конфликта между «гуманистическим большинством населения и цинично авторитаристским меньшинством» [2. С. 9]. Этот конфликт наиболее нагляден в разрыве уровней и образов жизни россиян. «Низкий уровень жизни большинства граждан страны на фоне роскоши и богатства новой политической и экономической элиты неизбежно выдвигает в центр общественных дискуссий вопросы о социальной цене реформ, социальной справедливости, коррупции и приоритетах будущей государственной политики» [1. С. 10]. Скрытые доходы 1% российских семей достигли к концу первого десятилетия XXI в. более 20 трлн руб. в год, что сопоставимо с общим официальным доходом всего населения страны. С учетом этого децильный коэффициент в России составляет 30–50. (Официальный же показатель стыдливо умалчивает о скрытых доходах, поэтому показывает 16.) В Скандинавских странах – 3–4, в странах Европейского союза – 5–6, в США – 9, в Японии и странах Южной, Восточной Азии и Северной Африки – 4–6, в Южной Африке – 10, в странах Латинской Америки – 12. Экономическое неравенство – главный дестабилизирующий фактор в России, и оно разрушает производительные

силы, не говоря уже о социальных связях и солидарности [7. С. 3–5]. Из состава субъектов модернизации исключается основная часть общества, и остается модернизационный «триумvirат»: интеллектуальный класс, передовая часть бизнеса и опять-таки государственное чиновничество. Мы же сторонники тех, кто считает, что должен быть разбужен народ, должно быть создано независимое от государства гражданское общество, «реальную роль должно сыграть общественное большинство». Люди должны быть встроены в политическую и экономическую структуры. Пока что «люди идентифицируют себя с государством и политическими лидерами скорее иррационально, реального партнерства между властью и обществом нет, не возникло сильного среднего класса, а вместо социальной и политической интеграции идет распад, фрагментизация общества» [8. С. 28, 29–30, 31].

Действительно, Конституция РФ в значительной степени носит пока номинальный характер, принципы, закрепленные в ней, в российской жизни не реализуются, поэтому проблема конституционализации, в том числе и политической жизни, является исключительно острой. «Требуется активно добиваться реализации норм конституционной демократии, обеспечивающих ротацию людей у власти» [2. С. 9]. В настоящее время мы видим активизацию части общества, протестующего против проявлений авторитарности современного режима, за возможности реализации конституционных прав и свобод.

Н.И. Лапин пишет: «Целевыми функциями современной модернизации являются безопасность государства и общества, устойчивое функционирование всех их структур, повышение условий жизнедеятельности населения (качества жизни). Соответственно, модернизация в XXI в. есть комплексный способ решения политических и экономических, социальных и культурных задач, которые в полный рост стоят перед государством и обществом в контексте внутренних, мегарегиональных и глобальных угроз и рисков; это совокупность процессов технического, экономического и социокультурного развития общества (страны и ее регионов), повышающих его конкурентоспособность» [2. С. 4].

Среди теоретиков и практиков растет понимание того, что культура имеет центральное, ключевое значение для решения задач модернизации. В.К. Левашов подчеркивает, что «на основе процесса формирования современной политической культуры» (с новой системой ценностей, институтов и инфраструктуры) формируется «стратегия устойчивого развития российского общества». Устойчивое развитие рассматривается им как перманентная модернизация, которая воплощается в многообразных социокультурных формах, таких как новая демократия, subsidiarность, экологическая устойчивость, общее наследие, разнообразие, работа, жилище, занятость, продовольственная безопасность, равенство, соблюдение предосторожности [1. С. 12–13]. Эти воплощения России необходимо обеспечить ради самосохранения.

А.В. Кива, обобщивший прогнозы дальнейшего развития РФ, пришел к выводу, что «в случае провала модернизации страну ждет вполне вероятный распад и уход с исторической сцены». Между тем «очень слабым кажется субъект модернизации, в то время как противники ее очень сильны» [9. С. 135–136, 141, 143]. В.К. Левашов, рассуждая о политической траектории и культуре модернизации, о потенциале и тенденциях в политическом и эконо-

мическом развитии, говорит о трёх возможных сценариях реализации российского социально-политического процесса: «1. Траектория социально-консолидированного устойчивого развития – когда государство и общество найдут режим социально-консолидированного устойчивого взаимодействия. 2. Олигархический застой станет продолжением политики реализации интересов высшей бюрократии и крупнейших собственников. 3. Радикальный хаос наступит в случае развития кризиса гражданского общества, правового государства и ухудшения экономического положения населения» [1. С. 11–12].

С.П. Перегудов подчеркивает, что «императив модернизации, долгое время постулировавшийся лишь словесно, стал в настоящее время для российской политической элиты приоритетом номер один» [10. С. 126]. Однако реализация этого императива упирается в авторитарную составляющую российской культуры, в недостаток демократии. Действительно, недостаток демократии препятствует модернизации. Он уменьшает легитимность внутренних и внешних интересов политического режима. «Дело, оказывается, уже не в количестве и качестве стратегических наступательных вооружений, даже не в размерах валового внутреннего продукта, пусть даже по обменному курсу и на душу населения, и не в имидже, а в качестве политических, экономических и общественных институтов и степени признания этих институтов в мире» [11. С. 109].

Модернизация связана с демократизацией еще и потому, что демократия предполагает новую, отличную от авторитарной, субъектность политики. Поэтому политическую систему необходимо демократизировать. Но как? Н.С. Розов указывает, что проблема демократизации упирается в вопросы «о субъектности, о необходимости широких коалиций, направленных на демократизацию и модернизацию», о «неготовности к этому подавляющего большинства российского населения» [12. С. 7]. Подчеркивается зависимость демократизации от состояния социальной культуры. Именно в ней заключены причины указанной Н.С. Розовым «неготовности населения».

Отсюда вытекает необходимость достижения социокультурной модернизированности нашей страны. Как уже указывалось, Н.И. Лапин расценивает такую модернизированность как «новое качество российского общества» [2. С. 17]. В соответствии с социокультурным или антропосоциетальным подходом под социокультурной модернизацией необходимо понимать процесс качественного повышения уровня и сбалансированности параметров социокультурного развития, при этом, пишет Н.И. Лапин, «социокультурно модернизированным можно считать такое состояние страны, когда величины человеческих измерений модернизации сбалансированы, а уровень каждого из них не ниже среднего для стран того региона человеческого сообщества, к которому относится данная страна. Однако достигнутый уровень модернизированности всегда остается относительным, поскольку повышается средний уровень мегарегиона». «Для России особую актуальность имеет проблема повышения условий жизни её населения до среднего уровня стран Европееко-Российского мегарегиона. Эта проблема означает вызов современной России, конструктивный ответ на который и должна дать модернизация страны и в первой трети XXI в., – если она, конечно, состоится» [2. С. 4].

К «человеческим измерениям» модернизации, т.е. к социокультурной модернизации, относятся параметры, «характеризующие жизнь, деятельность и самочувствие людей как конкретных индивидов: 1) удовлетворенность людей своей жизнью в целом; 2) достаточность дохода для жизни; 3) удовлетворенность трудом как важнейшей сферой жизнедеятельности людей; 4) возраст женщин при рождении первого ребенка». Далее Н.И. Лапин указывает на «три параметра массовых сфер жизнедеятельности населения: 5) продвинутость социальной структуры, для измерения которой учитываются: уровень образования, доля наемного труда и “синих воротничков” среди занятых; 6) демократизация политической культуры и поведения граждан, где учитываются: уровень интереса граждан к политике, их участия в гражданских акциях, доверия к политическим институтам и институтам правопорядка; 7) современность ценностных ориентаций: открытость изменениям, религиозная и межэтническая толерантность» [2. С. 10].

Россия, по данным социологических исследований 2006 г., среди 25 стран Европы по уровню социокультурной модернизированности может быть объединена с Болгарией и Украиной (они и Россия находятся в начале социокультурной модернизации), а значения большинства параметров социокультурной модернизации у России в 2,2 раза меньше подобных значений стран средне-социокультурно-эффективных (Англия, Германия, Франция) [2. С. 11–12].

«Острота задач, стоящих перед политическими деятелями и всеми гражданами каждой страны, определяется человеческими измерениями модернизации или ее отсутствием. Если не учитывать их природу и динамику, то можно столкнуться с новыми социальными катастрофами» Н.И. Лапин пишет, что значительный культурный потенциал населения России «лишь в небольшой части становится культурным капиталом». В качестве факторов стагнации или тормозов модернизации он выделяет три застойные сферы жизнедеятельности (1. «Институциональные барьеры и пробелы на пути распространения инноваций». 2. «Устойчивое воспроизводство массовых правонарушений, неэффективность их наказаний и правопорядка в целом». 3. «Низкая управляемость, отсутствие институтов саморазвития региональных сообществ и российского общества в целом»), а также «двойственную иерархию ценностных позиций населения как предпосылку гражданского конфликта. Россия по эффективности управления в 2009 г. находилась на 107-м месте среди 128 стран [2. С. 4–7].

Как люди реагируют на положение в застойных сферах, какую позицию занимают, какие виды активности выбирают? Для ответа на этот вопрос нужно обратиться к рассмотрению базовых ценностей (идеалов, фундаментальных норм жизни) населения России и сформулировать понятие ценностной позиции. Это базовые ценности населения, которые представляют ключевые характеристики, тесно связанные «с двумя-тремя ценностями, которые близки между собою по смыслу и вместе с ключевой характеристикой образуют ценностную позицию». Н.И. Лапин выделяет в структуре и динамике базовых ценностей россиян «четыре слоя, или кластера, ценностных позиций», которые «группируются в две альтернативные пары» [2. С. 7] (см. табл. 1).

Таблица 1

Ценностные позиции и степень их поддержки населением РФ (составлена по: [2. С. 7–9])

Альтернативные пары ценностных позиций	Характер ценностей позиций	Поддержка позиций населением РФ	
1. Гуманизм (в 2010 г. ценности гуманизма поддерживали 86–89% населения РФ)	1.1. Повседневный гуманизм	Безопасность жизни, обеспеченность её законом и правоохранительными органами, обязательное соблюдение закона всеми гражданами, порядок, ценности семьи и дружбы, не склонен к жертвенности	77% населения РФ в 2010 г.
	1.2. Инициативный гуманизм	Инициативность, предприимчивость, поиск нового в работе и в жизни, уважение к обычаям и традициям, жертвенная готовность помогать бедным и слабым	Свыше 60% «гуманистов», 54% всего населения РФ в 2010 г.
2. Властность (в 2010 г. ценности властности поддерживали 23% населения РФ)	2.1. Нравственная властность	Ориентация на высокие нравственные критерии, красоту, самостоятельность, приоритет содержательной работы, неприятие возможности по своей воле посягательства на жизнь другого человека	5–6% ответивших в 2002–2006 гг., а в 2010 г. – 16% ответивших (до 68% разделяющих ценность властности)
	2.2. Вседозволенная авторитарность	Принятие возможности самому, по своей воле, посягнуть на жизнь другого человека, понимание вседозволенности как свободы, инициативы, предприимчивости	9% среди всего населения и 38% «автори-таристов» в 2010 г.

Н.И. Лапин рассматривает соотношение терминальных (цели-идеалы) и инструментальных (дифференцирующих) ценностных позиций, их функции и иерархию и приходит к выводу, что, с точки зрения интегрирующей функции повседневный гуманизм является «интегрирующим ядром ценностного пространства России», а инициативный гуманизм – «интегрирующим резервом», в то время как нравственная авторитарность – это «оппонирующий дифференциал ценностного пространства», при этом вседозволенная авторитарность – его конфликтогенная периферия (инструментальная ценностная позиция) Н.И. Лапин делает вывод, что «дифференцирующие инструментальные ценности доминируют над интегрирующими терминальными». С точки зрения выполнения регулятивной функции, осуществление которой «предполагает наличие властных качеств у ее носителей», «иерархия базовых ценностей превращается в обратную»: наиболее активна превращенная иерархия терминальных и инструментальных, интегрирующих и дифференцирующих ценностных позиций; она доминирует над естественной интегрирующей функцией», «альтернативность содержания двух пар ценностных позиций сопровождается функциональной двойственностью: их интегрирующая роль прямо пропорциональна, а регулятивная – обратно пропорциональна массовости их поддержки населением». «Симбиоз прямой и обратной иерархии базовых ценностей составляет предпосылку гражданского конфликта: между гуманистическим большинством населения и цинично авторитаристским меньшинством» [2. С. 8–9].

Из этого вытекает, что попытка модернизации (а она имеется) в настоящее время является авторитарной. Но будет ли она успешной? Н.С. Розов, со ссылкой на зарубежных исследователей, пишет, что в «некоторых странах и

культурах на начальных этапах соответствующая модернизация весьма успешно проводилась и кое-где проводится авторитарными режимами (Сингапур, Южная Корея, Чили, Китай)), однако «для России этот путь закрыт: отсутствует так называемый селекторат, дисциплинирующий власть». Он делает вывод, что при современном состоянии системы «даже чудом пришедший к власти авторитарный лидер, не на словах, а на деле настроенный на модернизацию, никакого позитивного результата с помощью вертикали власти не добьется». Единственным способом является демократизация, позволяющая осуществлять общественный контроль, взаимный контроль открыто конкурирующих политических сил. Они дадут возможность «надежного и долговременного дисциплинирования правящих элит и бюрократии» [12. С. 7]. Следовательно, научной и практической проблемой является нахождение способов разрушения этого симбиоза прямой и обратной иерархии базовых ценностей россиян, что развяжет руки гуманистической инициативе и обеспечит успех модернизации.

Для решения данной проблемы обратимся к двум альтернативным подходам к анализу социальной действительности: структурному и процедурному. Представители «структурного» подхода считают, что демократия органично вырастает из определенных объективных предпосылок, тогда как сторонники «процедурного» («Агенсу-ориентированного») подхода уверены, что все дело в субъективных обстоятельствах – решениях и действиях политических акторов [13. С. 74–75].

Сторонники структурного подхода подчеркивают роль социально-классовой структуры, уровня экономического развития, национальной идентичности и эффективной государственности, политической культуры, религии, отсутствия острых социальных, этнических, религиозных и других расколов, наличия/отсутствия ресурсов, качества институтов, влияния международной среды, территориальной близости к тем или иным режимам, климата и даже IQ [13. С. 74–75]. Э. Шилз и Р. Бендикс считают, что «внутренние, структурные разрывы» являются «целой серией препятствий на пути успешной модернизации». «Это разрыв между немногими очень богатыми и массой бедных; между образованными и необразованными; между городскими и сельскими жителями; между космополитами, националистами и нативистами; между современностью и традицией; между управляющими и управляемыми» [14. С. 79].

Сторонники «процедурного» подхода считают решающими субъективные факторы – желание национальных элит перейти к демократии, выбор способов взаимодействия между акторами, путей разрыва со старым режимом, определение путей решения проблем «старых» элит, смены элит, взаимоотношений с оппозицией, ротации власти, использования насилия и др. [13. С. 75].

А.Ю. Мельвиль склонен «не преувеличивать непримиримость этих двух подходов» и считает, опираясь на некоторые исследования, что «политические акторы в принципе способны преодолевать “структурные” ограничения и конструировать демократические институты и практики в “неблагоприятных” условиях». Мельвилю «хочется считать, что все же нет однозначной и вытекающей из структурной предопределенности “колеи зависимости”» [13. С. 76]. Типы ментальности, или когнитивные модели, представляющие «ха-

рактерные для индивида особенности восприятия мира... и соответствующий способ решения проблем (принятия решений)» не следует рассматривать как нечто, не поддающееся изменениям. Между институтами как структурами, представляющими «легитимизированные образцы социальных практик», и «индивидами как носителями ментальных моделей» существует двухсторонняя связь, которая имеет «морфологический характер». Между тем тип институциональных матриц формируется под влиянием таких альтернативных свойств материально-технологической среды государства, как коммунальность или некоммунальность. Автор согласен с мнением Ю.И. Александрова и С.Г. Кирдиной, что необходимо более глубоко исследовать на современном эмпирическом материале связь «институциональных, психологических и социально-психологических характеристик с особенностями экономической и политической организации» [15. С. 6, 9, 11].

Литература

1. Левашов В.К. Мировой экономический кризис и устойчивое развитие // Социс. 2011. № 11. С. 3–13.
2. Латин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социс. 2011. № 9. С. 3–17.
3. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ.; под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
4. Цымбурский В.Л. Speak? Memoгу!: (Введение в книгу «Конъюнктуры Земли и Времени») // Полис. 2011. № 2. С. 145–171.
5. Ильин М. Политическая модернизация: неоконченная драма в трех действиях // Стратегия. 1998. № 1. С. 77–102.
6. Пастухов В.Б. Реформа МВД как сублимация политической реформы в России: (К дискуссии по поводу нового закона о милиции) // Полис. 2010. № 6. С. 23–40.
7. Нигматулин Р.И. Кризис и модернизация России: тринадцать теорем / Р.И. Нигматулин, Б.И. Нигматулин. М., 2009.
8. Каневский П.С. Проблемы российской модернизации: элиты, общество, мировой кризис // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2010. № 4. С. 18–32.
9. Кива А.В. Россия: путь к катастрофе или модернизации? // Социс. 2010. № 11. С. 133–143.
10. Перегудов С.П. Плюрализм и корпоративизм в СССР и России (общее и особенное) // Полис. 2010. № 5. С. 111–128.
11. Бусыгина И.М. Политическая модернизация России как условие роста ее международного влияния / И.М. Бусыгина, М.Г. Филиппов // Полис. 2010. № 5. С. 96–110.
12. Розов Н.С. Императив изменения национального менталитета // Полис. 2010. № 4. С. 7–21.
13. Мельвиль А.Ю. Задержавшиеся и/или несостоявшиеся демократизации: почему и как? // Полис. 2010. № 4. С. 73–76.
14. Полякова Н.Л. Исследование форм и процессов модернизации: вклад исторической социологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2010. № 4. С. 67–81.
15. Александров Ю.И. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход / Ю.И. Александров, С.Г. Кирдина // Социс. 2012. № 8. С. 3–13.